

Д.В. Хаминов, А.Н. Сорокин

РОЖДЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ: ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В ТИСКАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ – проект 18-39-20008 «Университетское сообщество Западной Сибири как основа интеллектуального капитала территории и драйвер социокультурной и экономической модернизации страны в XIX–XX вв.»; гранта Президента РФ, проект МК-2449.2020.6 «Третья роль университетов Западной Сибири: историческая динамика, проблемы и ответы на вызовы современности».

Исследуется инициатива по развитию исторического знания, исторических институций, усилению «третьей роли» университетов и научных сообществ, считается, что она была взаимонаправленной – шла как «снизу», так и «сверху». «Интересантами» в этих отношениях становились как сами историки, так и публично-правовые образования, т.е. органы власти всех уровней и общественные структуры.

Ключевые слова: историческое образование; наука; историки; Революция; Гражданская война; Сибирь; Дальний Восток.

Сообщество историков являет собой специфическую категорию профессиональной корпорации в научно-образовательной среде любого общества. Их особая роль проявляется в наиболее кризисных, «бифуркационных» точках истории страны. Ярким примером такой особой роли историков стала их глубокая интегрированность в общественно-политические процессы советского периода – первая половина 1930-х гг. (восстановление исторического образования и реабилитация истории после забвения 1920-х гг.); значение исторического знания и исторического дискурса в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны; роль и место историков в период идеологических кампаний позднего сталинизма; роль исторических исследований (в том числе публицистики) в годы перестройки (см., например: [1–4]).

Интересным в данном контексте (но при этом практически не изученным сегодня) становится исследование моделей самоорганизации историков и включения их в общественно-политические процессы в периоды их наибольшей корпоративной самостоятельности. Прежде всего, это связано с периодом Гражданской войны на периферии – на территориях антибольшевистских правительств (Юг России (см., например: [5]), Сибирь, Дальний Восток и т.д.). Здесь эти процессы протекали двунаправленно. С одной стороны, инициатива самих историков подталкивала многие значимые процессы в жизни государства и общества, с другой, органы власти всех уровней старались вовлекать, а в некоторых случаях и использовать потенциал историков для решения своих текущих задач.

Сообщество периферийных историков в наиболее структурированном виде сложилось как раз на территории Азиатской России с ее уникальными политическими, научно-образовательными и культурными особенностями.

В дореволюционный период потенциал научно-образовательного комплекса Азиатской России был недостаточным для такой огромной и малоизученной территории. Он был представлен преимущественно четырьмя центрами – Томском, Омском, Иркутском и Владивостоком, где имелись высшие учебные заведе-

ния, частные высшие курсы и исследовательские организации (прежде всего, отделы Императорского русского географического общества), которые занимались в том числе и историческими исследованиями [6].

Все попытки организовать подготовку профессиональных историков на местах и институционализировать исторические исследования не могли иметь серьезных результатов, пока за Уралом не будут организованы профильные исторические структуры и исследовательские учреждения с систематической государственной поддержкой. А между тем необходимость в изучении прошлого этого обширного региона возрастала в силу хозяйственного освоения региона, а главное, культурной и социальной интеграции Сибири и Дальнего Востока в общероссийское пространство.

На протяжении дореволюционного периода провинциальной общественностью, органами власти и должностными лицами (как центральными, так и региональными) предпринимались попытки открытия в Томском университете недостающего историко-филологического факультета и учреждения в Иркутске второго сибирского университета. Так, вопрос об открытии недостающих факультетов в Томском университете обсуждался на правительственном уровне (при участии министров народного просвещения, попечителей западносибирского учебного округа и других лиц) и заседаниях Государственной думы III и IV созывов [7. Ст. 454–455].

В силу различных причин объективного (дороговизна открытия и содержания, революционные события 1905–1907 гг., Первая мировая война, предреволюционный период) и субъективного порядка (опасение, что расширение университетской сети за Уралом, тем более за счет гуманитариев, повлечет за собой возможную политическую дестабилизацию в неспокойном крае, наводненном политическими ссыльными) вопрос этот постоянно откладывался.

Только революционные события позволили решить эти вопросы. Равно как в июне 1917 г. Временное правительство приняло закон о введении земства по всей Сибири, пойдя на давно обещаемые уступки, так и в этих вопросах провинциальному со-

обществу были даны обещанные давно уже возможности по расширению научно-образовательной сети в Азии. Как в 1917 г., так и в последующие годы каждое новое правительство, приходя к власти в центре или на периферии (Временное правительство, Сибирское временное правительство, Российское правительство Колчака), стремилось исполнять обещания, которые не удавалось выполнить их предшественникам, стараясь извлечь из этого как политические дивиденды, так и конкретную, практическую пользу.

Постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г. с нового 1917/18 учебного года в составе Томского университета учреждались историко-филологический и физико-математический факультеты [8]. Основная часть преподавателей нового факультета приехала из Петрограда, в их числе были двое профессоров-историков – по кафедре русской истории – П.Г. Любимов и первая в России женщина-профессор по кафедре всеобщей истории С.И. Протасова (см. подробнее о них: [9. С. 154–156, 201–203]). Обстановку на факультете, специфику взаимоотношений в то время в своих воспоминаниях позже описал известный отечественный философ, педагог, профессор С.И. Гессен: «В Томске я провел четыре года [с 1917 по 1921 г.]. Это были годы революции и гражданской войны, эпидемии сыпного тифа и больших материальных лишений; несмотря на это, я вспоминаю эти годы с удовольствием. Факультет, в котором, я сначала замещал декана, напоминал семью, не знающую ни интриг, ни взаимных подсиживаний, что так часто характеризовало провинциальные университеты» [10. С. 422–423].

В течение 1918–1919 гг. в Томск, по мере отеснения из центра страны антибольшевистских сил на Восток, были эвакуированы профессора, преподаватели и студенты Казанского и Пермского университетов. Ректоры и деканы ходатайствовали перед Томским университетом о предоставлении сотрудникам возможности читать здесь свои курсы лекций и вести практические занятия. Так, в Томском университете стали преподавать известные в России историки – профессор Б.Л. Богаевский (специалист по античной истории и археологии), профессор Б.П. Денике (востоковед, историк искусства), профессор А.П. Дьяконов (специалист по истории античности, медиевистике и древнесирийской истории и литературе), профессор М.М. Хвостов (специалист по Древнему Востоку и теоретико-методологическим вопросам исторической науки) (см. подробнее о них: [11. С. 52–54, 127–129, 135–137, 461–463]). Благодаря появлению пермских и казанских профессоров и преподавателей, спектр исторических дисциплин существенно расширился. Правда, некоторые из иногородних профессоров получали в Томском университете лишь должности приват-доцентов ввиду переизбытка сотрудников [12. Л. 5]. По окончании Гражданской войны все они были откомандированы в свои университеты [12. Л. 132].

Историки сразу стали формировать профессиональное сообщество, чтобы закрепить свое особое положение. В начале 1918 г. при Томском университете было организовано Общество этнографии, исто-

рии и археологии, которое стало первым сибирским специализированным историческим объединением профессиональных историков. В его работу активно включились эвакуированные специалисты. Со временем в его работе стали принимать участие не только историки, но и другие гуманитарии, формируя тем самым условия для междисциплинарных подходов в исследованиях.

Общество провело большое количество заседаний по самому разнообразному кругу вопросов. Так, на одном из заседаний, состоявшемся 12 декабря 1918 г., речь шла о неудовлетворительном положении архивного дела в России в целом и в Сибири в частности, с привлечением всех заинтересованных в этом вопросе лиц [13. Л. 1]. Членами общества был остро поставлен вопрос о необходимости реформирования архивного дела и об устройстве самостоятельного Западно-Сибирского архива в Томске. Эта проблема особо актуализировалась в условиях Гражданской войны и дезинтеграции сибирских архивов – разрывом с центром. Предстояло самостоятельно выстраивать архивное дело на территории, не подконтрольной большевикам. Для решения этого вопроса была создана специальная комиссия, выработавшая несколько проектов сохранения архивного фонда в стране, которые были впоследствии предложены для обсуждения в Институте исследования Сибири.

Томские историки в этот период выполняли еще одну важную функцию по подготовке, вернее сказать, по аттестации специалистов. К началу 1919 г. за Уралом сконцентрировалось большое число беженцев из городов европейской части России. В их числе находились и те, кто получал высшее историко-филологическое образование в центральных российских университетах, но в условиях Гражданской войны и эвакуации не смог сдать экзамены и получить диплом. Министерство народного просвещения Всероссийского правительства Колчака разрешило Томскому университету (кроме него, в то время за Уралом был только открытый в августе 1918 г. Иркутский университет и работавший с октября 1918 г. частный историко-филологический факультет, открытый при поддержке Восточного института во Владивостоке) создать комиссию, которая могла бы принимать государственные экзамены и выдавать дипломы о высшем образовании [14. 29 марта]. Выбор министерства пал на Томский университет ввиду того, что по сравнению с Иркутским университетом (а уж тем более с Владивостоком) он имел достаточное количество экзаменаторов, обладавших квалификацией. Работа этой комиссии началась в апреле 1919 г. под председательством проф. М.М. Хвостова. Поскольку многие желающие не смогли сдать экзамены в весеннюю сессию 1919 г., Министерство разрешило дополнительно организовать экзамены в осеннюю сессию 1919 г. (зимой 1919–1920 гг.) [14. 4 декабря]. Однако установление в декабре 1919 г. в Томске советской власти, упразднение соответствующего министерства и введение новых нормативов работы вузов, помешали работе этой комиссии, которая была расформирована.

По результатам своих исследований некоторые профессора и преподаватели разрабатывали специ-

альные курсы лекций, являя тем самым пример взаимодействия науки и образовательного процесса. Особенно много исследований, которые затем объединились в комплексный учебный курс, стало проводиться по сибиреведческой проблематике. К 1919 г. был разработан, а в 1920 г., уже при большевиках, впервые реализован для студентов Томского университета учебный курс «Сибиреведение» (впервые Сибирь стала специальным предметом изучения и учебной дисциплиной), в рамках которого некоторые сотрудники историко-филологического и других факультетов прочитали циклы своих лекций [15. Л. 19]. Однако при большевиках этот курс и был свернут – как напоминание о таких неприятных для советской власти аспектах, как областничество и «белая Сибирь».

Помимо академической, т.е. научно-образовательной деятельности в рамках университета, томские историки принимали активное участие в работе различных культурно-просветительских и общественных образований, в большом количестве учрежденных в городе. Важное значение для культурно-просветительской жизни Томска имело открытие в начале 1917 г. Народного университета им. П.И. Макушина. Подобные народные университеты работали к этому времени уже во многих крупных городах России, обладавших значительным научным и культурным потенциалом. «Своей первой задачей, – писали газеты тех лет, – Народный университет как учреждение, исходящее из принципа широкой демократизации просвещения, должен ставить популяризацию научного общеобразовательного знания среди взрослого трудового населения страны» [16. 16 января]. Здесь свои лекции регулярно читали историки, и в условиях риторики Гражданской войны они зачастую использовали исторические сюжеты в контексте современных событий. Так, профессор П.Г. Любимов выступил с двумя лекциями «Смутное время на Руси» и «История русского освободительного движения» [17. 17 января]. Тематика его лекций была весьма актуальной и тесно переплеталась с событиями, происходившими в России, – революция, Гражданская война, иностранная интервенция.

Факультет, по замыслам тех, кто его открывал, по замыслам Сибирского временного правительства (а затем и правительства Колчака) должен был стать координирующим центром по проведению исторических исследований на территории Сибири и центром по подготовке квалифицированных специалистов (педагогов и исследователей) для региона. Однако недолгий период его работы так и не смог принести заметных результатов. Согласно общегосударственной политике большевиков в отношении гуманитарного знания [18], в 1921 г. он был закрыт и преобразован в этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук, которое в 1922 г. постигла та же участь.

Схожей оказалась судьба становления исторического образования, науки и сообщества профессиональных историков в Восточной Сибири в условиях Гражданской войны. Второй университет Азиатской части страны – Иркутский, – хотя и был открыт только в 1918 г., но также имел, подобно Томскому, про-

должительную по времени историю своего создания. Помимо наличия основательной материальной базы для будущего университета (имевшиеся денежные средства для нужд университета, заверения городских властей о всесторонней помощи будущему вузу и т.п.), сам Иркутск уже располагал многочисленной профессурой, прибывшей сюда в статусе беженцев из Москвы, Петрограда, Казани и других городов в течение 1918 г. [19. 16 августа].

13 августа 1918 г. на заседании Иркутской городской думы было официально объявлено об открытии университета, а министром народного просвещения Сибирского временного правительства профессором В.В. Сапожниковым было подписано Положение об учреждении Иркутского университета [19. 16 августа], после чего сразу же было объявлено о начале набора абитуриентов [20. Л. 311]. Торжественное открытие университета состоялось 27 октября 1918 г., он начал свою работу в составе двух факультетов – историко-филологического и юридического. Первый состоял из исторического отделения и славяно-русского (словесного) отделения, а в 1919 г. к ним добавилось третье – восточное отделение для «всестороннего изучения языка, быта и экономических отношений Сибири и Дальнего Востока» [20. Л. 23].

Приоритет открытия именно этих двух факультетов был обусловлен чисто прагматическими соображениями Министерства и Сибирского временного правительства, так как в силу специфики организации образовательного процесса они не требовали больших ассигнований для оборудования специализированных аудиторий и кабинетов. Вместе с тем мотивация учредителей университета могла заключать в себе и общественно-политический подтекст – использование правоведов и историков в идеологической борьбе нового государства и правительства с большевизмом (обоснования исторической преемственности новой власти в Сибири) и выстраивание новых общественно-политических отношений.

В Иркутском университете была организована кафедра русской истории, которую возглавил сибиревед профессор В.И. Огородников. На факультете начали свою работу и другие историки, которые уже имели к этому времени общероссийскую известность или снискали ее в последующем. Например, профессор, доктор философии Кенигсбергского университета, известный историк Древнего Востока, египтолог, гебраист, специалист по истории мифологии, религии и литературы Древнего Востока, семитолог И.Г. Франк-Каменецкий. Из Петрограда приехал известный отечественный археолог и этнограф, создатель иркутской (шире – восточно-сибирской) школы археологии и этнографии Б.Э. Петри; из Казанского университета прибыл профессор А.М. Селищев – один из крупнейших русских славистов XX в., специалист по балканистике, по славянской палеографии и топонимике; профессор Н.Н. Козьмин – выпускник Петербургского университета, востоковед, специалист по русской истории и истории Сибири, впоследствии он организовал и возглавил первую в России кафедру истории Сибири в Иркутском университете (см. подробнее о них: [21. С. 58–59, 64, 66–67, 69–70, 139–140]). В те-

чение 1919 г. в Иркутск прибыли эвакуированные профессор, преподаватели и студенты Пермского университета. Некоторые из них были прикомандированы к ИГУ, как, например, доцент кафедры всеобщей истории (создана в 1919 г.) А.И. Коссовский, специалист по истории славян [22. Л. 17].

Положение об учреждении Иркутского университета от 13 августа 1918 г. предусматривало наличие специального Восточного отделения в университете, но руководство вуза не смогло должным образом спланировать и обеспечить деятельность будущего отделения. Хотя была создана специальная комиссия, которая разработала подробный план организации и развития данного отделения, наметив в нем шесть кафедр, которые возглавляли соответствующие циклы – китаеведения, японоведения, манчжуроведения, монголоведения, турковедения и индианистики с тибетоведением. Временный план и штаты нового отделения были представлены для утверждения в министерство, которое поддержало и одобрило их. Отделение было открыто в 1919 г., правда, не в полном составе кафедр, как это намечалось изначально [22. Л. 4 об].

Наибольшее социокультурное значение, а вместе с тем внутри- и внешнеполитическое, имел монголоведческий цикл, поскольку отвечал потребностям подготовки кадров для внутренних нужд Азиатской части России (подготовка национальных кадров с высшим образованием для территорий компактного расселения бурят в Восточной Сибири) и для внешнеполитических – способствовал развитию отношений с Монголией (в которой происходили существенные политические и социальные сдвиги) – ближайшим соседом Восточной Сибири. Научная деятельность молодого факультета в Иркутске сразу же оказалась тесно связанной с работой Института исследования Сибири в тематическом и организационном плане [23. Л. 9–14 об].

Факультет в первые годы советской власти постигла та же участь. В 1921 г. он вместе с юрфаком был ликвидирован. На протяжении последующих лет историков готовили сначала на гуманитарном факультете, затем на факультете общественных наук, который также был закрыт в 1924 г.

В отличие от историков Томска, в большинстве своем историки Иркутского университета после ликвидации факультета не покинули Иркутск. Они оставались еще долгое время, на протяжении 1920–1930-х гг., либо в университетских стенах, продолжая заниматься исследованиями, которые были заложены ими еще в бытность исторических кафедр, либо работали в других учреждениях и организациях Восточной Сибири, Дальнего Востока и даже иностранных государств. Последнее обстоятельство в период политических репрессий стало для них дополнительной «черной меткой», как, например, для профессоров Н.Н. Козьмина¹ [24] и В.И. Огородникова² [25], сгинувших в 1937–1938 гг. из-за своей профессиональной деятельности.

Третьим городом Азиатской России, где благодаря открытому в октябре 1918 г. частному историко-филологическому факультету (первоначально даже планировалось создание института) сформировалась корпорация историков, стал Владивосток. Основу

педагогического состава сформировали беженцы из западных регионов страны, а к 1920 г. его корпус пополнился уже беженцами из Томска и Иркутска, по мере установления в этих городах советской власти. Этот факультет как бы продолжал сохранять преемственность классического гуманитарного образования, по мере продвижения советской власти на Восток. На факультете была открыта кафедра сибиреведения, остававшаяся единственной подобной кафедрой в России [26. С. 62–63]. В апреле 1920 г. (сразу после провозглашения Дальневосточной Республики) разрозненные вузы Владивостока (и частные, и государственные, и отраслевые) были объединены в единый Дальневосточный университет с историко-филологическим факультетом, который сохранял традиции классической школы. Последний просуществовал недолго, и с упразднением Дальневосточной Республики он подвергся «советизации» и последующему закрытию [26. С. 66].

Отрезанность Азиатской России в годы Гражданской войны от европейской части, находившейся под властью большевиков, дихотомическим образом сказывалась на положении исторической науки. С одной стороны, были прерваны и без того не слишком активные профессиональные контакты с научными и образовательными учреждениями Центральной России. С другой стороны, для сибирской исторической науки появились новые возможности для развития.

Прежде всего, речь идет об историках и иных гуманитариях, занимавшихся историческими исследованиями, которые были эвакуированы в Азиатскую Россию, чей научный и организационный потенциал служил развитию исторической науки азиатской периферии, окрепшей в кадровом отношении. Территории, свободные от власти большевиков, не испытывали на себе того прессинга, который оказывался советским правительством на интеллигенцию, прежде всего на гуманитариев. Историки были выведены из-под контроля партийно-государственных органов, что придавало более творческий и свободный характер их деятельности. В это время, хотя и короткий период, действовало уникальное научно-исследовательское учреждение – Институт исследования Сибири (см. подробнее: [27, 28]).

Создание Института исследования Сибири (ИИС) стало значимым событием научной жизни для всего Азиатского региона. Сама идея учредить ИИС была высказана на проходившем в октябре-ноябре 1917 г. в Иркутске первом Сибирском метеорологическом съезде. Тогда же состоялось и организационное собрание с целью его учреждения. Было разработано «Временное положение об Институте исследования Сибири», которым предусматривалось его учреждение в Иркутске «как географическом центре Сибири» [29. С. 18]. Создававшееся научное учреждение должно было заниматься «объединением исследования Сибири в научном и научно-практическом отношениях» [29. С. 18]. По инициативе министра народного просвещения профессора В.В. Сапожникова местом проведения съезда был избран Томск. 13 декабря 1918 г. Совет Министров разрешил провести съезд, и утвердил Положение о съезде [29. С. 1–2], а 15 января

1919 г. состоялось первое общее собрание по организации института, который начал свою работу с февраля 1919 г. [16. 17 февраля]. Начальник отдела высших учебных заведений Министерства народного просвещения Всероссийского правительства В.Ю. Ульяновский в своем приветствии назвал будущий институт «Сибирской академией наук» [29. С. 2]. Он стал рассматриваться сибирской общественностью именно как координационный центр всей сибирской научной жизни. Институт, по словам Б.П. Вейнберга (помощника директора ИИС), «принимал меры к возможной поддержке учреждений и начинаний Академии [наук] во время оторванности Сибири от Европейской России» [30. Л. 93 об.].

Институт включал в себя два территориальных отделения – Средне-Сибирское (в Иркутске) и Дальневосточное (во Владивостоке) и состоял из шести тематических отделов (в том числе историко-этнографического). Штат сотрудников института формировался в основном из профессоров и преподавателей высших учебных заведений Томска. Среди членов института были представители научных сил и из других городов (Иркутск, Красноярск, Барнаул, Омск, Владивосток). На заседании совета Общества «Институт исследования Сибири» 7 августа 1919 г. было принято постановление об «использовании для нужд исследования Сибири ученых сил из среды лиц, бежавших из эвакуированных городов Поволжья и Урала» [31. Л. 120]. Поэтому активное участие в работе института приняли профессора, преподаватели и научные сотрудники эвакуированных в Томск Казанского и Пермского университетов, а также беженцы из других городов европейской части России.

Институт просуществовал недолго, чуть более года, и летом 1920 г. был закрыт. Историко-этнографическому отделу, несмотря на кратковременный период своего существования и скудость финансирования, все же удалось достигнуть некоторых научных результатов и внести вклад в развитие сибирской исторической науки, организовав несколько экспедиций [31. Л. 43, 54, 57].

После восстановления в течение зимы 1919/20 г. советской власти в Томске и Иркутске, сразу же возникли серьезные затруднения с финансированием деятельности ИИС и его отделов. В условиях структурирования органов государственного управления на территории Сибири, которым занялся Сибревком, научное учреждение, каким являлся ИИС, да еще созданное в период «колчаковщины», было явно неудобным. Сказались и чрезвычайно трудные условия, в которых оказалась Сибирь: общая экономическая разруха, удаленность от центра и руководящих органов, отсутствие средств. С целью выхода из тяжелого положения руководство института неоднократно обращалось в различные инстанции с просьбой о выделении средств. В Омск, а затем в Ново-Николаевск, где располагался Сибирский революционный комитет (новый орган советской власти на территории Сибири), направлялись представители института, чтобы добиться открытия финансирования и утверждения нового положения об институте. Но попытки были безрезультатными.

Советская власть считала, что ИИС сделался центром интеллигентских сил, враждебно настроенных, поэтому 5 июля 1920 г. Сибревком принял постановление о закрытии института и учреждении научных секций при Томском университете и Томском технологическом институте [32. Л. 232]. В то же самое время было ликвидировано и Средне-Сибирское отделение ИИС в Иркутске. Многие проекты и научные разработки, которые были запланированы членами института и его отделов, так и не были претворены в жизнь. Очень много актуальных предложений по археологическому и этнографическому исследованию Сибири были преданы забвению.

Неотъемлемой составляющей истории России периода Гражданской войны являются отношения антибольшевистских правительств с государствами – союзниками по блоку «Антанта», а фактически – военная интервенция стран-участниц на окраины бывшей Российской империи, в том числе в Сибирь и на Дальний Восток. Эта интервенция проходила не только военными и силовыми методами. Одним из направлений деятельности европейских держав на территории антибольшевистских правительств стала идеологическая работа в тылу и мягкое воздействие на интеллектуальную элиту. В частности, под видом выстраивания научно-образовательных контактов между сибирскими и дальневосточными городами и иностранными интеллектуальными центрами, на территорию Дальнего Востока и Сибири прибывали иностранные ученые, проводя при этом совершенно определенную политическую линию. В подобные мероприятия активно оказались вовлечены и сибирские историки.

В апреле-мае 1919 г. Азиатскую часть России посетил профессор-историк Бернард Пейерс (Bernard Pares). С 1914 г. и вплоть до марта 1917 г. он постоянно находился на фронте в действующей русской армии (работал корреспондентом «The Daily Telegraph» на русском фронте), после чего уехал в Великобританию. В начале 1919 г. он вновь вернулся в Россию, на этот раз в качестве директора Школы славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета, представителя правительства Великобритании при адмирале А.В. Колчаке.

Он совершал поездку по городам Дальнего Востока и Сибири Транссибом с целью чтения лекций и встречи с интеллигенцией. Первым городом, где им был прочитан цикл лекций, стал Владивосток, затем были другие города, в том числе Иркутск и Томск, а закончил он свой цикл лекций уже в Уфе – прифронтовом городе антибольшевистской России.

Профессор Пейерс, как сообщалось в прессе, приехал в Сибирь «с особой миссией для передачи нам отношения английского народа к России и для более тесного общения с нами, чтоб доложить о вынесенных им из поездки впечатлениях английскому народу и правительству» [14. 7 мая]. В частности, в Томске он встречался с научной интеллигенцией, в первую очередь гуманитарной (профессорами и преподавателями Томского университета и видными общественными деятелями) [14. 15 мая] и прочитал цикл лекций [14. 10 мая, 13 мая]. В своих лекциях он постоянно

акцентировал внимание слушателей на «пустых обещаниях» большевиков и призывал поддерживать их противников. Так, в своей лекции «Долг союзников перед Россией» он указал на роль большевиков в деле развала русской армии, на их агитаторскую деятельность на фронтах с целью разложить русские вооруженные силы. «Теперь вы понимаете, – ядовито заметил Пейерс, – почему немцы платили деньги большевикам» [14. 10 мая]. На одной из встреч профессоров и преподавателей историко-филологического факультета с профессором Б. Пейерсом основным лейтмотивом была тема «сближения Англии с Россией на культурной почве» [14. 15 мая].

После окончания в 1920 г. Гражданской войны и установления власти большевиков на всей территории Сибири, у эвакуированных из Центральной России научно-педагогических работников появилась возможность уехать из Сибири. Причем уезжали многие не только в западные регионы, но и на Дальний Восток (на эту территорию формально не распространялась власть большевиков), прежде всего в открытый в 1920 г. во Владивостоке Дальневосточный университет.

Сибирские университеты и научные учреждения столкнулись с колоссальной кадровой проблемой. Причем уезжать стали не только эвакуированные ранее ученые и педагоги, но и те, кто работал здесь изначально или приехал по доброй воле. Причины коренились и в крайне скудном материальном обеспечении профессуры и членов их семей, и низком культурном уровне жизни в сибирских городах, по сравнению с городами западной части страны, и много других обстоятельств. Не стоит исключать здесь и некоторые опасения многих за дальнейшую свою судьбу и судьбу членов своих семей, поскольку многие из них либо лояльно относились к антибольшевистским правительствам Сибири, либо открыто их поддерживали, а некоторые даже служили в белых правительствах, их органах и учреждениях. Не стоит забывать и о политической ангажированности дореволюционной университетской профессуры, которая носила либеральную, преимущественно эсеро-кадетскую ориентацию [33, 34].

В большей степени юристы и историки являли собой мощную политическую антибольшевистскую силу и пополняли лагерь противников большевиков (либеральное крыло русского общественно-политического движения). На материале Сибири можно назвать двух председателей Совета Министров во Всероссийском правительстве Колчака, последовательно сменявших друг друга, – П.В. Вологодского (юрист, присяжный поверенный) и П.Н. Пепеляева (окончил в Томском университете юридический факультет и сдал специальные экзамены при историко-филологическом факультете на право преподавания в

гимназиях); известного областника М.Б. Шатилова, выпускника юрфака Томского университета, входившего в состав Сибирского правительства П.Н. Вологодского (занимал в нем пост министра земельных дел); профессора Н.Н. Козьмина – историка и этнографа, общественно-политического деятеля, областника, профессора Иркутского университета, занимавшего пост товарища министра народного просвещения в кабинете Сибирского временного правительства и др.

Таким образом, в первые годы своего существования советская власть, реорганизуя гуманитарные факультеты (юридические и историко-филологические), как бы мстила гуманитарному образованию, науке и профессиональному сообществу – путем закрытия этих факультетов, прекращения подготовки гуманитариев и дальнейшими политическими преследованиями.

В завершение отметим, что открытие исторических подразделений в университетах и работа Института исследования Сибири не только положительным образом повлияли на развитие высшего исторического образования и науки в Азиатской части России (в том числе и вне рамок университетов), но и сформировали в Азиатской России профессиональное сообщество историков, которые активно включились в общественно-политические процессы жизни регионов в условиях Гражданской войны. Несомненна большая значимость сообщества историков в просвещении населения и реализации университетами и исследовательскими учреждениями своей «третьей роли».

За этот короткий, но крайне интересный и интенсивный период, к сожалению, не удалось реализовать то, что было заложено или намечено сибирскими историками в ходе своей профессиональной деятельности, – ни в образовательном, ни в культурно-просветительском, ни в научно-организационном аспектах. Единственное, что удалось, – это придать мощный импульс научному изучению Азиатского региона на последующие десятилетия вперед, что и определило научную повестку в советский период (прежде всего в археологии, этнографии, сибиреведении, краеведении).

Различные формы самоорганизации историков явились уникальным примером вариативных механизмов интеграции научного сообщества, власти, общественности в условиях социальных и политических кризисов Гражданской войны. Потенциал развития исторических институций и процессов, заложенных в период Гражданской войны, был, безусловно, велик. Сибирь и Дальний Восток много потеряли после этого. Повторно роль и значение истории было осознано только в начале 1930-х гг., когда предстояло заново восстанавливать всю систему исторического образования, научных исследований и формировать собственную корпорацию историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.Н. Козьмин в 1918–1919 гг. являлся членом Сибирского временного правительства, в 1919 г. эмигрировал в Маньчжурию, в 1920–1922 гг. был редактором и членом коллегий газет в Харбине, с 1922 г. работал в Бурятии консультантом по экономическим вопросам в Наркомземе и Госплане Бурят-Монгольской АССР, являлся директором Иркутского государственного музея. В 1937 г. арестован УНКВД Восточно-Сибирской области по обвинению в том, что якобы являлся японским шпионом и участником контрреволюционной белогвардей-

ской организации. В 1938 г. умер в больнице Иркутской тюрьмы, после чего дело в отношении Н.Н. Козьмина постановлением УНКВД по Иркутской области было прекращено в связи с его смертью.

² В.И. Огородников в марте 1920 г. был назначен ученым руководителем архивного дела Восточной Сибири, а в мае того же года утвержден заведующим Иркутского губернского управления архивного дела. В июне 1921 г. был откомандирован в Читу и назначен ректором Государственного института народного образования, с переводом института во Владивосток был ректором Дальневосточного государственного университета (1923–1925 гг.). С поста ректора вынужден был уйти под давлением со стороны партийных и государственных структур. Затем назначается заместителем директора Арктического института в городе Петропавловске-Камчатском. В мае 1933 г. был арестован по делу «Автономной Чукотки» и осужден на 10 лет лагерей (отбывал срок в «Дальлаге»). В 1938 г. был переведен в «Севжелдорлаг» Архангельской области, где и скончался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордина Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3. С. 9–13.
2. Гордон А.В. Восстановление исторического образования (1934–2004) // Философский век. Альманах. СПб., 2005. Вып. 29, т. 2. С. 271–278.
3. Сидорова Л.А. Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки. Историографический ежегодник. 2004. М.: Наука, 2005. С. 208–223.
4. Kimerling A. Political Campaigns of the Stalin Period: Their Content, Peculiarities and Structure (April 11, 2014). Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 42/HUM/2014. URL: <https://ssrn.com/abstract=2423717> (дата обращения: 14.01.2020).
5. Урмаева К.А. Историки и власть на Юге России (1917–2000 гг.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. 367 с.
6. Хаминев Д.В., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Институционализация исторического знания на территории Азиатской России в досоветский период // Былые годы. 2014. № 33 (3). С. 430–436.
7. Стенографические отчеты Государственной Думы Российской империи. Заседания 29–52 (с 22 января по 19 марта 1914 г.) / Гос. Дума, четвертый созыв, 1914 г., сессия вторая. СПб.: Гос. тип., 1914.
8. Постановление Временного правительства от 1 июля 1917 г. // Вестник Временного правительства. Петроград. 1917. Воскресенье, 23 июля (5 августа). № 112 (158). С. 1.
9. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.
10. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию: учеб. пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
11. Профессора Томского университета: Биографический словарь / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Т. 2. 1917–1945. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 544 с.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 80.
13. Архив Музея истории ТГУ. Ф. «Общество этнографии, истории и археологии Томского университета». Оп. 1. Д. «Докладная записка Общества этнографии, истории и археологии Томского университета от 10 декабря 1918 г.».
14. Сибирская жизнь. Ежедневная газета (Томск). 1919.
15. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 474.
16. Народная газета. Ежедневная газета (Томск). 1919.
17. Вестник Томской губернии. Ежедневная газета (Томск). 1919 г.
18. Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов Общественных наук российских университетов» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 19. Ст. 117.
19. Дело. Ежедневная газета (Иркутск). 1918.
20. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1.
21. Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998) / сост. С.И. Кузнецов. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. 396 с.
22. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 69.
23. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 32.
24. Репрессированное востоковедение: востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20–50-е годы: ч. 1 / сост. Я.В. Васильков, А.М. Гришина, Ф.Ф. Перченко // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 113–125.
25. Петрушин Ю.А. Сибиревед В.И. Огородников // Четвертые Романовские чтения: материалы науч. конф. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2008. С. 106–108.
26. Малявина Л.С. Роль ученых Урала и «белой» Сибири в развитии высшей школы и науки Дальнего Востока России (1918–1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 3 (11). С. 57–71.
27. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г., Меркулов С.А. Из истории института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 5–43.
28. Расколец В.В. Подготовка и проведение съезда по организации Института исследования Сибири: октябрь 1917 – январь 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 117–123.
29. Труды съезда по организации Института исследования Сибири / изд. под набл. председателя съезда профессора. Б.П. Вейнберга. Томск: Тип. Сибирского Товарищества печатного дела и Дома трудолюбия, 1919. 460 с.
30. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 23.
31. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 24.
32. ГАТО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 14.
33. Грибовский М.В. Политическая активность «левой» университетской профессуры в России в конце XIX – начале XX веков // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 54–71.
34. Некрылов С.А., Грибовский М.В. Сибирская профессура рубежа XIX–XX веков: Социальный и политический портрет // Новый исторический вестник. 2018. № 1 (55). С. 21–37.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 мая 2020 г.

Born by the Revolution: The Professional Community of Historians of Asian Russia in the Grip of the Civil War

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 168–176.

DOI: 10.17223/15617793/458/21

Dmitry V. Khaminov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khaminov@mail.ru

Alexander N. Sorokin, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: soranhist@yandex.ru

Keywords: historical education; science; historians; Revolution; Civil War; Siberia; Far East.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-39-20008, and the grant of the President of the Russian Federation, Project No. MK-2449.2020.6.

The history of higher education, science, and academia in the Asian part of Russia has been extensively covered in historiography. Historians have focused on various aspects of these phenomena in connection with social, cultural, economic, as well as political and ideological processes. In most cases, these processes have been approached from two different perspectives. The first one focuses on the center-periphery relations and entails a comparison of the provincial processes with what was happening in the center of Russia. The second concentrates on regional and local processes, including at the micro level. However, the period of the Revolution of 1917 and the Civil War (1918–1920) in the history of Asiatic Russia is of particular importance for the scientific and educational complex of the region in general and for its social sciences and humanities segment, in particular. The authors' focus is history. Historical research itself, education, science, and the corporation of historians in the paradigm of that period played the most important structure-forming roles. The political, ideological, and sociocultural implications of historical research (the formation of the historical consciousness, civic and political identity and culture, ideological attitudes, moral values, patriotism) are difficult to overestimate. In the period of uncertainty of the development of both the country as a whole and its Asiatic periphery (when the outcome of the armed confrontation was not obvious to anyone), the role of historians in different spheres of the state and society grows, they become important actors of key processes, epitomized by the so-called “third role of universities”. The study of these aspects of historians' activities, the mechanisms of their interaction, the influence on the system of social interactions and other aspects, foregrounds this new trend in historical research. The work is written on the basis of a wide range of historical sources: official documents and materials (laws and regulations on the organization of higher education and science); archival materials (most of them are first introduced into academic discourse) – organizational, administrative records that reflect daily activities of universities and research institutions; materials of regional and local periodicals; sources of personal origin; historiography of the Asiatic periphery. In the course of the study, the authors come to the conclusion that the initiative to develop historical research, academic institutions, strengthen the “third role” of universities and scientific communities was generated both “bottom-up” and “top-down”. Both historians and public legal entities, that is authorities at all levels, benefited in these relations.

REFERENCES

- Gordina, E.D. (2010) Istoriya kak instrument patrioticheskogo vospitaniya v SSSR nakanune i v nachale Velikoy Otechestvennoy voyny [History as an instrument of patriotic education in the USSR on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 3. pp. 9–13.
- Gordon, A.V. (2005) Vosstanovlenie istoricheskogo obrazovaniya (1934–2004) [Restoration of historical education (1934–2004)]. In: Artem'eva, T.V. & Mikesheva, M.I. (eds) *Filosofskiy vek. Al'manakh* [Philosophical Age. Almanac]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Tsentr istorii idey. 29 (2). pp. 271–278.
- Sidorova, L.A. (2005) Sovetskie istoriki poslevoennogo pokoleniya: sobiratel'nyy obraz i individualiziruyushchie cherty [Soviet historians of the post-war generation: a collective image and individualizing features]. In: Sakharov, A.N. (ed.) *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskiy ezhegodnik. 2004* [History and historians. Historiographic Yearbook. 2004]. Moscow: Nauka. pp. 208–223.
- Kimerling, A. (2014) Political Campaigns of the Stalin Period: Their Content, Peculiarities and Structure. *Higher School of Economics Research Paper*. WP BRP 42/HUM/2014. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2423717>. (Accessed: 14.01.2020). DOI: 10.2139/ssrn.2423717
- Ushmaeva, K.A. (2006) *Istoriki i vlast' na Yuge Rossii (1917–2000 gg.)* [Historians and Authorities in the South of Russia (1917–2000)]. Stavropol: Stavropol State University.
- Khaminov, D.V., Nekrylov, S.A. & Fominykh, S.F. (2014) Institutionalization of the Historic Knowledge within Asian Russia in Pre-Soviet Period. *Bylye gody*. 33 (3). pp. 430–436. (In Russian).
- Fourth State Duma of the Russian Empire, Convocation 2. (1914) *Stenograficheskie otechety Gosudarstvennoy dumy Rossiyskoy imperii. Zasedaniya 29–52 (s 22 yanvarya po 19 marta 1914 g.)* [Verbatim records of the State Duma of the Russian Empire. Sessions 29–52 (22 January – 19 March 1914)]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
- Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917) Postanovlenie Vremennogo pravitel'stva ot 1 iyulya 1917 g. [Resolution of the Provisional Government of July 1, 1917]. 23 July. 112 (158).
- Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
- Gessen, S.I. (1995) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnyuyu filosofiyu* [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow: “Shkola-Press”.
- Fominykh, S.F. (ed.) (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. 2. Tomsk: Tomsk State University.
- State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 80.
- Archive of Museum of History of Tomsk State University (AMITGU). Fund “Obshchestvo etnografii, istorii i arkhologii Tomskogo universiteta” [Tomsk University Society of Ethnography, History and Archeology]. List 1. File *Dokladnaya zapiska Obshchestva etnografii, istorii i arkhologii Tomskogo universiteta ot 10 dekabrya 1918 g.* [Memorandum of the Tomsk University Society of Ethnography, History and Archeology of 10 December 1918].
- Sibirskaya zhizn'*. (1919) Tomsk Daily Newspaper. (In Russian).
- State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1. List 1. File 474.
- Narodnaya gazeta*. (1919) Tomsk Daily Newspaper. (In Russian).
- Vestnik Tomskoy gubernii*. (1919) Tomsk Daily Newspaper. (In Russian).
- RSFSR. (1921) Dekret SNK RSFSR ot 4 marta 1921 g. “O plane organizatsii fakul'tetov Obshchestvennykh Nauk Rossiyskikh universitetov” [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of March 4, 1921, “On the plan of organizing the faculties of Social Sciences of Russian universities”]. *Sobranie uzakoneniye RSFSR*. 19. Art. 117.
- Delo*. (1918) Irkutsk Daily Newspaper. (In Russian).
- State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-71. List 1. File 1.
- Kuznetsov, S.I. (ed.) (1998) *Irkutskiy gosudarstvennyy universitet: rektory, dekany, professora (1918–1998)* [Irkutsk State University: Rectors, deans, professors (1918–1998)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
- State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-71. List 1. File 69.
- State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-71. List 1. File 32.
- Vasil'kov, Ya.V., Grishina, A.M. & Perchenok, F.F. (1990) Repressirovannoe vostokovedenie: vostokovedy, podvergnivshiesya repressiyam v 20–50-e gody: ch. 1 [Repressed oriental studies: orientalists who were repressed in the 1920s–1950s: part 1]. *Narody Azii i Afriki*. 4. pp. 113–125.
- Petrushin, Yu.A. (2008) [Historian of Siberia V.I. Ogorodnikov]. *Romanovskie chteniya – IV* [Romanov Readings – IV]. Proceedings of the International Conference. Mogilev. 22–23 November 2007. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 106–108. (In Russian).

26. Malyavina, L.S. (2010) The role of Ural and “white” Siberia scientists in the development of higher school and science in the Far Eastern part of Russia (1918–1922). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (11). pp. 57–71. (In Russian).
27. Nekrylov, S.A. (2008) Iz istorii instituta issledovaniya Sibiri [From the history of the Institute for the Study of Siberia]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy sojeta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Journals of the Council Meetings of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–43.
28. Raskolets, V.V. (2016) Preparation and holding of the congress on the foundation of the Research Institute of Siberia: October 1917 – January 1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 403. pp. 117–123. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/403/19
29. Veynberg, B.P. (ed.) (1919) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the organization of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk: Tipografiya Sibirskogo Tovarichestva pechatnogo dela i Doma trudolyubiya.
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. List 1. File 23.
31. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. List 1. File 24.
32. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. List 1. File 14.
33. Gribovskiy, M.V. (2015) “Left” university professors’ political activity in Russia in the late 19th – early 20th centuries. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 2 (44). pp. 54–71. (In Russian).
34. Nekrylov, S.A. & Gribovskiy, M.V. (2018) The Siberian professoriate in the late 19th and early 20th centuries: a social and political profile. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 1 (55). pp. 21–37. (In Russian). DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00002

Received: 08 May 2020